

СВЯЩЕННИК
ПЕТР ПОЛЯКОВ

Рассказы
и беседы
для детей

ОТЛАВЛЕНИЕ

Под сенью благодати

Пётр Иванович Поляков	5	(3)
Идеальный приказчик	7	(5)
Ореховские рабочие	22	(20)
Чья вера лучше?	29	(27)
Верующий коридорный	42	(40)
Необыкновенный доктор	50	(48)
Почитатели старца Серафима	55	(53)
Игнаша	60	(58)
Сеятели смуты и народ	82	(80)
Рассказ монахини	99	(97)
Школа святости	115	(113)
Решение рабочего вопроса	126	(124)
Страшный сон	134	(132)
Легенда о Сарове	140	(138)
Благодатное пение	154	(152)
Искатель истины	164	(162)
Старые и новые подвижники	185	(183)
Поколебавшийся индифферент	201	(190)
Прозревший исправник	210	(208)

Что говорят монахи	224	(222)
Что такое юродство?	237	(235)
Прасковья Ивановна	248	(246)

Пролог. Истории из жизни святых

К читателям	259	(3)
Истина — в православии	261	(5)
Сила молитвы и покаяния	264	(8)
Чудный день	270	(14)
Тайна богослужения	273	(17)
О дивном столпнике	275	(19)
Ослеплённая душа	279	(23)
Царская одежда	285	(29)
Любовь Божия	288	(32)
Мнимый мудрец	291	(35)
Безумный сребролюбец	296	(40)
Без чего нельзя жить	300	(44)
Рабство ради свободы	306	(50)
Чудный странник	311	(55)
Бог строит все к лучшему	314	(58)
Молитва за умершего грешника	322	(66)
Померкшее сияние	325	(69)
Не суди по себе	327	(71)
Что устрашает дьявола	333	(77)
Помолитесь обо мне!	338	(82)
Терпение ради Христа	341	(85)
Три ступени к Небу	344	(88)

Имеющий уши да слышит!	347	(91)
Блаженны плачущие	350	(94)
Чудный свет	352	(96)
Без огня и золото не светится	355	(99)
Дружба	357	(101)
Золото	362	(106)
Драгоценные камни	369	(113)
Четыре стрелы, поражающие врага	373	(117)
Испытание скорбями	379	(123)
Мудрый миротворец	381	(125)
Подающий милостыню даёт займы Богу	387	(131)
Печаль и радость	391	(135)
Три друга	394	(138)
Тайный подвиг	398	(142)
Богатство и власть	402	(146)
Чудная сорочка	405	(149)
Вера и смирение	409	(153)
Открытая исповедь	411	(155)
Чудо святителя Николая	414	(158)
Двойное зло	418	(162)
Исполнение обета	421	(165)
Ревностная молитва	423	(167)
Не хуже ли я других?	427	(171)
Не ищите чудес	430	(174)
Покайтесь!	433	(177)
Семь венцов	436	(180)
Терпение	440	(184)
Новая риза	445	(189)
Чудесный сон	448	(192)
Сердце скупого	453	(197)

Рассказы и беседы для детей

Нерукотворённый образ Спаса	456	(200)
Опаснее всех войн	460	(204)
Средство от уныния	463	(207)
Орудие гибели	466	(210)
Милостыня	469	(213)
Исцеление пресвитера	466	(210)
Голос совести	478	(222)
Где можно спастись?	484	(228)
Десять златниц, отданные Богу	488	(232)
Епископ и нищий	493	(237)
Дорогая находка	496	(240)
Святость обета	502	(246)
Учитель и ученики	505	(249)
Достоин наказания	509	(253)
Друзья и враги	511	(255)
Чудо святого Артемия	514	(258)
Непосильное бремя	517	(261)
Церковное пение	520	(264)
Дела человеческие	523	(267)
Бог труды видит	527	(271)
Истинная святость	529	(273)

К Отчеству Небесному

<i>Пётр Иванович Поляков</i>	535	(3)
Как жить?	537	(5)
К Отчеству Небесному	542	(10)
Дружба	549	(17)

Искорки	556	(24)
Ранние посеы	559	(27)
Две дороги	564	(32)
Первые и последние	568	(36)
О воздержании	573	(41)
Падшие ангелы	577	(45)
О святости	583	(51)
О кротости	591	(59)
Искушение	596	(64)
О трудолюбии	602	(70)
О терпении	609	(77)
Мир Христов	614	(82)
Живи в мире, а служи Богу	620	(88)
О верности	626	(94)
Жизнь наша	631	(99)
Печать христианства	637	(105)
Нива Божия	642	(110)
Две силы	649	(117)
Старое и новое	655	(123)
Родине служить	661	(129)
Утешение	669	(137)
Дар слова	674	(142)
Гонимые миром	678	(146)
Друг Христа	686	(154)
Под спудом	696	(164)
Блаженны милостивые	702	(170)
О геройстве	707	(175)
«Не торопись языком твоим...»	713	(181)
Радость	719	(187)
Воинство Христово	727	(195)

Рассказы и беседы для детей

Торжество Православия	734	(202)
О скромности	739	(207)
Царица благочестия	742	(210)
О свободе и рабстве	748	(216)
Победа	754	(222)
О послушании	758	(226)
О твёрдости	763	(231)

ПОД СЕНЬЮ
БЛАГОДАТИ

Из пупебых
наоросков
и бпегрпленин
паламника

Священник Пётр Иванович Поляков

Книга «Под сенью благодати» — переиздание замечательного творения священника Петра Ивановича Полякова (ск. 1920 г.), православного писателя дореволюционной России, незаслуженно забытого и вновь открываемого в наше время. Это боговдохновенное описание паломнической поездки к одному из особо почитаемых верующими людьми святому месту, связанному с именем преподобного Серафима Саровского. Примечательно, что в 1903 году о. Пётр¹ стал членом комиссии по канонизации и открытию мощей великого старца.

Писатель создал за свою жизнь немало высокохудожественных литературных произведений. О широте интересов и многогранности его таланта говорят названия книг: «Православие как основа жизни», «Чин Божественной Литургии», «Вещание святых Апостолов», «Лучи света Христова», «Православный катехизис в общедоступном изложении», «Пролог в поучениях и рассказах», «Светочи жизни», «Про свободу», «Про холеру», «Краткий систематический учебник арифметики» и т.д.

¹ Для удобства чтения детьми в книге используется буква «ё». Исключение составляют случаи цитирования Священного Писания, поскольку в церковнославянском языке звука «ё» нет.

Творческая деятельность отца Петра органично сочеталась с поистине самозабвенным служением страждущему народу, родному Отечеству. Являясь активным деятелем трезвенного движения в России, он возглавлял одно из Санкт-Петербургских отделений общества трезвости им. Александра Невского, был издателем и редактором газеты «Трезвость», созданной им в 1914 г. и просуществовавшей вплоть до 1917 г.; состоял в тесной духовной связи с выдающимся подвижником того времени св. праведным отцом Иоанном Кронштадтским, благословившим это начинание в 1906 г. С батюшкой Иоанном отец Пётр нередко сослужил в дворцовой церкви Царского Села и присутствовал на трапезах августейшего семейства.

Великому кронштадтскому пастырю была посвящена одна из книг духовного писателя. На её титульном листе рукой святого отца были начертаны следующие слова: «С любовью приветствую появление в свет вашей прекрасной книги — “Православие как основа жизни”. Да переходит она из рук в руки и да укрепляет в Православии всех читающих её».

Надеемся, что столь высокая оценка творчества священника Петра Ивановича Полякова не останется без внимания и его книгу «Под сенью благодати» примет и полюбит современный читатель, жаждущий припасть к истокам живой Православной Веры.

Верующий коридорный

В Нижний Новгород я приехал вечером. Тучи свинцом нависли над городом, и дождь лил, как из ведра. Извозчик провёз меня через скучную ярмарку, перевёз через плашкоутный мост, перекинутый через красавицу Оку, и подвёз к подъезду гостиницы с номерами.

— Если здесь нет номеров, то и нигде нет, — заметил извозчик, останавливая измокшую и опустившую уши лошадь. — Время уж такое: ярмарка.

У подъезда стоял швейцар и лениво зевал.

— Номера есть? — спросил я у него из экипажа.

— Номера? — зачем-то переспросил он.

— Да, номера, номера.

— Номера все заняты. А впрочем, погодите, я пойду спрошу. — Он скрылся и через минуту снова появился в подъезде. — Есть один номер. Только придётся вам немного подождать: господин собирается, сейчас уезжать будет.

Я согласился подождать: не мокнуть же мне всю ночь на дожде. Через полчаса я был уже в грязном, пропитанном табачным дымом, но светлом номере окнами на часть города и на реку, по которой, пыхтя и свистя, бегали взад и вперёд пароходы и парходики.

— Самоварчик прикажете? — спросил принёсший последние вещи и уложивший их на места коридорный, молодой парень в ситцевой рубаше, со вздутыми щеками, вздёрнутым носом и заспанными глазами.

— Подавай. Но прежде дай чего-нибудь съесть.

— Чего же? Селяночки?

— Ну, хорошо.

— Со стерлядкой али со всякой рыбой?

— Давай — со всякой.

Еще спустя около часа передо мной стояла жирная селянка и пыхтел медный самовар.

— Надолго изволили приехать? — спросил коридорный, протирая глаза.

— А разве это тебе интересно знать?

— Интересу для нас такого нет... а только хозяин завсегда велит спрашивать, чтобы, значит, ежели кто спросит номер, так знать, скоро ли освободится... Потому номера теперь у нас нарасхват...

— Нет, я только до утра...

— До утра? Что же так скоро? На ярмарке побывали бы.

— Мне надо спешить. Скажи-ка, пожалуйста, не знаешь ли, как удобнее мне ехать в Саровскую пустынь?

— Как не знать? Это нам доподлинно известно. В Саровскую пустынь — это и есть настоящая дорога.

— То есть какая дорога?

— А то есть самая законная. Наша гостиница, значит, на пути. Через нашу гостиницу и ездят в Саров. Тут много проезжающих бывает. Я даже и сам удостоился этим летом побывать...

— Вот и хорошо. Так ты расскажи же мне, как ехать.

— Сперва вы сядете, вот тут напротив пристань, на пароход, проедете, значит, вверх

по Оке до пристани Мыза. А там надо подняться в гору к поезду новой железной дороги.

— А какая железная дорога?

— Ромодановская... недавно прошла... Ну и потом, значит, по железной дороге как раз мимо города Арзамаса — это моя, стало быть, родина, Арзамас-то, — до станции Шатков. А от станции Шатков на лошадях до Серафимо-Понетаевского монастыря — семнадцать или восемнадцать вёрст будет. Из Понетаевского монастыря прямо в Саров, к угоднику, значит, Серафиму, тут сорок пять вёрст. От угодника Серафима, искупавшись, например, в его источнике, надо ехать в Серафимо-Дивеев монастырь семнадцать вёрст. А уж оттуда и назад.

— Вот ты мне наговорил много монастырей. А мне ведь надо только в Саровскую пустынь. Нельзя ли как попрямее?

— Как же можно? Это никак нельзя. Прежде, когда дороги железной не было, ездили и другими путями; к примеру, отсюда ездили на пароходе до Мурома, а там больше ста вёрст на лошадях. Но только этот путь неправильный и не вполне приятный.

— Почему?

— Первое дело — трудно на лошадях-то, а второе дело — в Понетаевский монастырь не попасть, а это не возможно.

— Да почему же?

— А потому, что Саров, что Дивеев, что Понетаев монастыри — это, можно сказать, составляет одно и то же, это одна Серафимова область. И ежели не побывать в Понетаеве, это значит миновать половину области угодника Божия Серафима. Понетаевский монастырь хотя ещё зачинается — он годов сорок, как существует, — однако тут благодатные молитвы старца Серафима, может, ещё более действуют, чем в самом Сарове. Угодничек, сказывают, ещё при жизни говаривал: «В Сарове будет мой рукав, в Дивееве — шуба, в третьем месте — рубашка; во всех же обителях весь пребуду...» На Понетаевский — вам обязательно надо ехать... иначе невозможно.

— А ты, говоришь, был у старца Серафима: как же это ты, по обещанию, или по какому-нибудь случаю?

— Да ведь разве возможно не быть? Святого человека Бог даровал нашему краю — и не быть у него... Разве это мыслимое дело?

Разве мы, прости, Господи, безумеры какие-нибудь?

— Да ведь не все же бывают в Сарове?

— Не все, не все — это конечное дело. Потому люди неодинакие. А всё же, которые восчувствовали Бога, те обязательно к угоднику Божию путешествуют. Ведь жизнь-то наша человеческая — что? Маета одна! Маешься вот, бьешься, как рыба об лед, ночи недосыпаешь. И всё ни к чему. И никакой тебе утехи в жизни, одна суета сует. Только и отведешь душу у угодника Божия. Кабы не было этих самых Божиих угодников, кабы не было обителей иноческих, куда бы нам, горемычным, из суеты житейской деваться? Кто нас бы приголубил, обласкал? Кто сказал бы слово утешения? Кто подал бы совет и помощь? Просто без всего этого крышка нам, бесприютным и бедным людям. Господа имеют свои хоромы, имеют все блага земные. Торговый класс — тоже всегда погружен в интересы. А мы куда голову приклоним? Вот Господь милостивый и посылает на землю своих угодников; угоднички освящают обители, а обители дают нашим душам успокоение. Так и живём под сенью благодати.

Признаться, такого красноречия, такой простой, но проникнутой искренностью, теплотой сердечной, святой мудрости я никак не ожидал от этого невзрачного на вид парня с заспанными глазами. И всё это сказано было спокойным, но в то же время таким уверенным тоном, что, казалось, передо мной стояла сама загнанная в народе, затравленная и поруганная Божья истина.

— Мне очень нравится твоё простое, но правильное рассуждение, — сказал я ему. — Интересно с тобой больше побеседовать.

— Откуда она возьмётся у меня, правильность-то эта? Так просто: уста глаголют, — желая, вероятно, показать и знание церковного языка, продолжал парень, — а ум в неведении. Сердцем больше чувствуешь. Куда нам, грешным? Мы ведь самоучки. Ученье наше какое? Достанешь где-нибудь душеспасительную книжку, прочитаешь — вот и всё образование.

— Заходи-ка сегодня ко мне, поговорим.

— Нынче нельзя. Хозяин посылает меня в одно место. А вот завтра...

Раздаётся звонок в коридоре.

— Вот видите — звонок. Надо бежать. Пока, счастливо оставаться.

— А кто же тут будет служить вместо тебя сегодня?

— А тут есть ещё один.

— Ну, прощай.

Поужинав и напившись чаю, я кое-что записал. И так как меня вдруг стала одолевать усталость, то я все другие занятия отложил до утра и решил отойти ко сну.

ПРОЛОГ

Историчи
из жизни святых
в пересказе
для детей

О дивном столпнике

Близ Эдессы в пустыне спасался один старец. Он стоял бессходно на столпе 49 лет.

К столпнику пришёл святой Феодор, епископ Эдесский, и в беседе о спасении души спросил.

— Что заставило тебя, человеце Божий, взойти на столп и столько лет на нём подвизаться?

Столпник рассказал следующее:

— Вместе со старшим братом мы ушли от мира ещё в юности. Сначала три года мы провели в монастыре, а затем удалились в пустыню и, найдя тут две пещеры, поселились в них: я в одной, брат в другой. Время мы проводили здесь в безмолвии, посте и

молитве и сходились друг с другом только в дни воскресные.

Такая жизнь в пустыне для меня продолжалась, однако, недолго. Раз, когда мы оба вышли из своих пещер для собирания злаков и кореньев на пищу, и были на некотором расстоянии друг от друга, вдруг я заметил, что брат мой внезапно остановился на одном месте, как будто чего-то испугавшись, а потом стремглав побежал и скрылся в пещере.

Недоумевая, что бы это значило, я пошёл к месту его внезапной остановки, чтобы посмотреть, что там такое. И что же? Вижу — рассыпано громадное количество золота. Недолго думая, я снял с себя мантию, собрал в неё неожиданно найденное сокровище и с большим трудом принёс в свою келью.

После сего, не сказав брату ни слова, я ушёл в город, купил там большой дом, устроил в нём приют для странников и больницу, и при них основал монастырь, поместив в нём 40 иноков. Всё устроенное я поручил опытному игумену, дал ему на нужды тысячу златниц¹, другую тысячу раздал

¹ Златница — золотая монета.

нищим, и затем снова, оставив мир, возвратился в пустыню к своему брату.

На пути я начал высокоумствовать о себе и осуждать брата за то, что он не хотел сделать добра из найденного им золота, и когда подходил к пещере брата, то помыслы высокоумия и самомнения уже совершенно овладели мною. Но в это время является мне Ангел Божий с грозным видом и говорит:

— Знай, что всё, что ты сделал, не стоит скачка, сделанного твоим братом через золото, и он несравненно выше и достойнее тебя пред Богом. Ты даже не стоишь и того, чтобы видеть его, и это будет до тех пор, пока покаянием и слезами не очистишь себя от своего греха.

После сего Ангел стал невидим, а я пошёл к пещере своего брата, и действительно, к своему ужасу, не мог увидеть его! Много тут пролил я слёз, и даже от горя и плача пришёл в изнеможение.

Наконец, Господь сжалился надо мной: я услышал голос, повелевающий мне идти вот на это место, где я теперь стою на столпе пятидесятый год. Здесь лишь недавно я получил откровение чрез Ангела о полном

прощении греха самомнения и гордости, и о том, что я увижусь с братом в обителях Небесных».

Выслушав этот рассказ от дивного старца, святитель поклонился ему и прославил Бога, вразумляющего людей и наставляющего их на путь истины.

К ОТЕЧЕСТВУ НЕБЕСНОМУ

Рассказы
и
дреды

Дружба

*Вы друзья Мои, если
исполняете то, что Я заповедую вам.
Сия есть заповедь Моя:
да любите друг друга, как Я возлюбил вас.
(Иоан. 15, 14, 12)*

В первые века христианства в армянском городе Мелитене жили два воина — Неарх и Полиевкт. Они были в большой дружбе, хотя первый из них был христианин, а второй — язычник. Неарху часто говорили:

— Зачем ты дружишь с язычником?

А Неарх отвечал:

— Я люблю Полиевкта и дружу с ним потому, что у него душа христианская: он любит и уважает то, что любят и уважают христиане; а если он до сих пор язычник, то лишь потому, что ещё не знаком с сущностью

христианства. Я надеюсь, что наша дружба с ним не пропадет даром: Христос ищет Себе друзей там, где царствует дружба во имя добра. И Полиевкт будет вскоре друг Христу.

Неарх всемерно старался о просвещении друга светом евангельской истины: он часто читал ему Священное Писание и много говорил о Христе — Спасителе мира. Полиевкт слушал со вниманием христианское учение, но, тем не менее, оставался непреклонен в язычестве.

Но вот возникло в Римской империи сильное гонение на христиан, и в Мелитене был прибит к столбам и зданиям указ императора Декия, повелевавший всех христиан предавать казни. Узнав об этом, Неарх загрустил.

— О чём грустишь? — спросил у него Полиевкт.

— О предстоящей нашей разлуке, — отвечал Неарх.

— Нас может разлучить лишь одна смерть, — сказал твёрдо Полиевкт.

— Но то, что нас разлучает, сильнее смерти. Ведь я — христианин, и меня поведут на смерть за веру мою: ты тогда оставишь меня, потому что ты язычник.

— Друг мой! — отвечал Полиевкт, — ничто не разлучит нас. Если ты христианин, то и я христианин. Скажи: может ли простой цветок, находясь в букете с благоухающей лилией, остаться без аромата? Может ли человек, который живёт в крепкой дружбе с таким, как ты, христианином, остаться чуждым христианства? Могу ли я, друг такого, как ты, поборника святой истины, оставаться в заблуждении?.. Разве я не познал Христа? Разве не горело у меня сердце, когда ты говорил мне о Нем, когда ты читал мне святое Евангелие? Отныне я хочу быть рабом Христа и готов исповедать имя Его!..

Полиевкт немедленно отправился к языческому начальнику и объявил себя христианином, за что предан был жестокой казни, приняв мученическую кончину прежде своего друга Неарха, которому он сказал перед смертью:

— Спасайся, друг, и не забудь о нашей дружбе!

Был в древние же времена в Греции грозный правитель-язычник. Он своими жестокими и несправедливыми деяниями вооружил против себя почти всех жителей и

стал каждого из своих приближенных подозревать в измене.

У правителя был подданный по имени Дионисий. Правитель заподозрил и Дионисия в измене, призвал его к себе и сказал:

— Мне донесли, что ты замышляешь убить меня.

— Нет, это неверно, — отвечал Дионисий. — Я не замышляю против тебя ничего худого, а только говорил, не скрываясь, что ты поступаешь очень жестоко и несправедливо с подданными твоими...

— Как ты смеешь осуждать мои дела и поступки! — вскричал злой правитель. — За твою дерзость ты должен умереть!

— Я готов умереть за правду, — отвечал Дионисий, — но дай мне три дня свободы, чтоб я мог пойти в родной город и проститься с семьёй.

— Я не верю тебе: ты сегодня же будешь казнён.

При этом разговоре присутствовал один подданный, с которым Дионисий был в дружбе. Он подошёл к правителю и сказал:

— Я ручаюсь за своего друга, и если он не вернётся через три дня, готов принять смерть за него.

Правитель удивился, но изъявил своё согласие. Тотчас же друга Дионисия заковали в цепи и посадили в тюрьму, а осуждённый на смерть отправился на свою родину. Прибыв в свой город, Дионисий сообщил о своей участи родным. Те с горькими слезами стали его умолять не возвращаться к правителю и скрыться куда-нибудь, чтобы избежать смерти.

— Нет, — отвечал им Дионисий, — правда выше смерти и родственных связей. Да к тому же ещё за меня остался заложником мой друг: если я не вернусь, он будет казнён за меня.

Дионисий заспешил к месту казни. Вдруг поднялась гроза, полил страшный дождь, началось наводнение; река, через которую Дионисию нужно было переходить по мосту, разбушевалась, как море. Верный друг пришёл в ужас от мысли, что он не успеет к сроку. Он упал на колени и залился горячими слезами, моля Бога о помощи. Потом, скинув с себя верхнее платье, бросился в бушующие волны. Долго боролся он с разъяренной стихией; наконец, выбившись из сил, достиг другого берега. Хотел было бежать, но тотчас же упал в изнеможении, прошептав:

— Господи! Спаси друга моего!

А между тем солнце клонилось к закату; приближался срок возвращения Дионисия. Правитель велел вести друга Дионисия к месту казни, куда отправился и сам. И вот, когда наступило назначенное время, правитель дал знак воинам и палачам. Те схватили друга Дионисия, повалили его и стали, с насмешками и издевательствами, распластывать тело его на кресте.

— Видишь, какой негодяй Дионисий, за которого ты поручился, — сказал правитель распинаемому.

— Ты ошибаешься, — отвечал тот. — Я не допускаю, чтобы Дионисий изменил мне в дружбе: христиане не изменяют друг другу.

— Как! — вскричал правитель. — Ты христианин? Скорее гвозди! Нет пощады обманщикам!

В этот момент раздался из расступившейся толпы задыхающийся голос Дионисия:

— Остановитесь!.. Я здесь!.. Оставьте моего друга!

С этими словами он упал к орудию казни и, еле переводя дыхание от усталости, обхватил ноги друга своего и стал целовать их. Толпа в изумлении затихла; палачи

остановились... Правитель встал с места своего и приблизился к верным друзьям-христианам.

— Теперь я вижу, — сказал он, — что действительно велик Бог тех, у кого такая верная дружба!..

И опустившись на колени перед верными друзьями, добавил:

— Теперь я вижу, что истинная дружба, истинная верность — только в христианстве. Примите меня в число друзей своих. Отныне я не язычник более и не правитель, а раб Христов!..

